

Однако дело было сделано. Ли Хуань уже проглотила большую часть крепкого вина, и хотя часть выплеснулась, это не помогло. Слёзы хлынули у неё из глаз, она закашлялась, прикрыв рот ладонью. В этот момент чья-то рука мягко легла ей на спину, успокаивая, а голос прозвучал так нежно, словно доносился из сна.

— Всё в порядке? — спросил он.

В сердце Ли Хуань смешались тоска и радость. В полузабытьи ей почудилось, что пришёл старый знакомый, и она, не раздумывая, схватила руку, ласкавшую её спину:

— Я в порядке. Я...

Она запнулась.

Перед ней стоял Цзи Саньмэй, и в её ладонях сжалась его маленькая рука.

Ли Хуань смутилась и хотела отдернуть руку, но Цзи Саньмэй другой рукой крепко сжал её пальцы.

Его голос был спокоен и безмятежен, с детской наивной добротой:

— Госпожа рассказала хорошую историю. Логичную, с началом и концом. Возможно, я и вправду смогу помочь вам с вопросом о том, куда пропал Цзи Саньмэй...

Ли Хуань, раздражённая наглостью ребёнка, уже собралась вырвать руку, но, услышав о Цзи Саньмэе, на лице её мелькнула радость, и она почти забыла о своём намерении:

— Ты...

Цзи Саньмэй спокойно спросил:

— Но у меня есть вопрос. Почему вы говорите, что мой учитель и Цзи Саньмэй были заодно?

— Когда у Цзи Саньмэя поднялся жар и ему стало плохо, я пошла с сестрой ухаживать за ним, — Ли Хуань поверила словам Цзи Саньмэя и стала говорить откровенно. — Он редко говорил, но если уж открывал рот, то обязательно упоминал кого-то по имени «Шэнь-сюн». Ваш учитель носит фамилию Шэнь, и рядом с ним человек, вылитый Цзи Саньмэй. Такого совпадения быть не может, он наверняка и есть тот самый «Шэнь-сюн»!

— Но, судя по вашим словам, вы опасались Цзи Саньмэя и не одобряли его поступков. Почему же вы тогда ухаживали за ним?

Тон Цзи Саньмэя оставался мягким, и в его словах трудно было разглядеть скрытый крючок.

Сознание Ли Хуань всё ещё боролось с опьянением, вызванным глотком обжигающего вина:

— Потому что...

Цзи Саньмэй внезапно прервал её. Его губы, до этого сохранявшие мягкую, сглаженную улыбку, наконец расслабились и расплылись в дьявольски-преlestной усмешке:

— Потому что вам нравился Вэй Тин, верно?

Ли Хуань вздрогнула и с изумлением уставилась на Цзи Саньмэя:

— Ты...

Цзи Саньмэй сжал её ладонь, его глаза пристально впились в неё, а голос, спокойный и твёрдый, словно чистый поток воды, начал заливаться в её сознание:

— В вашем рассказе, кажется, всё время не хватало одного человека. Вначале у Цзи Саньмэя был спутник, но потом вы о нём совсем перестали упоминать. Почему? Он был неважен? В плохих делах Цзи Саньмэя не было его доли? Как его звали? Вэй Тин? Так?

Ли Хуань, всё ещё пребывая в полубессознательном состоянии, почувствовала неладное:

— Ты... что за чушь ты несёшь!

Цзи Саньмэй наклонился вперёд, приблизившись к Ли Хуань, и в его интонации медленно проступила насмешка:

— Госпожа, вы ненавидите Цзи Саньмэя, считаете его поступки грязными, думаете, что он увёл душу вашей сестры. Но Вэй Тин не таков, поэтому вы намеренно вычеркнули его из своей истории, не так ли?

Вопросы один за другим сбивали Ли Хуань с толку, она не знала, как защищаться, и сердце её уже потеряло покой:

— Вэй Тин и Цзи Саньмэй не связаны! Они совершенно разные люди... К чему тебе эти расспросы! Дела Вэй Тина не имеют к Цзи Саньмэю никакого отношения!

— Имеют, — Цзи Саньмэй, словно кошка, играющая с мышью, вольно тешился с Ли Хуань, и, когда та попыталась увернуться, грубо наступил ей на хвост. — ...Госпожа, это означает, что вы лжёте.

В своём рассказе Ли Хуань изо всех сил старалась обойти стороной существование Вэй Тина, но упомянуть его всё же пришлось.

Когда Цзи Саньмэй впервые предстал перед сёстрами, он был слаб и слеп. Если бы Ли Хуань сказала, что Цзи Саньмэй сам выпрыгнул с поля и попросил о помощи, это звучало бы неубедительно, поэтому она была вынуждена вскользь упомянуть Вэй Тина.

После этого Вэй Тин бесследно исчез из её повествования.

Подобное обычно случается по одной из двух причин: либо этот человек был настолько незначителен, что Ли Хуань даже не считала его за человека и не утруждала себя запоминанием, либо у неё были свои причины, чтобы намеренно его избегать.

Однако, спустя столько лет, когда Цзи Саньмэй спросил имя того спутника, она без раздумий выпалила его. Это доказывало, что Вэй Тин относился ко второй категории.

Ли Хуань продолжала отчаянно сопротивляться:

— В чём я солгала!

Цзи Саньмэй не стал углубляться в этот вопрос и перевёл разговор на другую тему:

— Я уже спрашивал вас, госпожа. Если вы так ненавидите Цзи Саньмэя, почему лишь облили его водой?

Под воздействием вина и череды вопросов Ли Хуань уже забыла, зачем пришла сюда:

— Я...

— Госпожа, если бы кто-то посмел причинить вред моему самому любимому человеку, лишит его души, превратить в безжизненную оболочку, как вы думаете, что бы я сделал?

Цзи Саньмэй придвинулся ещё ближе к Ли Хуань, глядя ей прямо в глаза, с усмешкой на губах:

— ...Я бы изрезал его на тысячу кусков, поймал бы, наигрался бы досыта, а затем применил бы «наказание сандаловым деревом». ...Госпожа, знаете, что это такое?

Горло Ли Хуань сжалось. Она остолбенело смотрела на Цзи Саньмэя, наблюдая, как демон постепенно сбрасывает с себя детскую оболочку, обнажая перед ней свирепую улыбку.

Но на самом деле лицо Цзи Саньмэя в этот момент было довольно мягким, а в уголках его глаз даже таилась некая чарующая, приятная усмешка:

— Госпожа, у вас такая глубокая ненависть к Цзи Саньмэю, но вы лишь плеснули на него ведром воды и на том успокоились. Не знаю, то ли вы необычайно великодушны, то ли вам известно нечто, о чём другие не догадываются? Например...

Он сделал паузу и медленно произнёс:

— Например, вы на самом деле знаете, что Цзи Саньмэй вовсе не совершал никакого человеческого жертвоприношения.

Лицо Ли Хуань мгновенно побелело.

Цзи Саньмэй усмехнулся.

Это перекошенное от ужаса лицо выдало её с головой.

Если бы Цзи Саньмэй и вправду совершил то злодеяние, Ли Хуань, с её вспыльчивым нравом, вряд ли ограничилась бы ведром воды. Но она лишь легкомысленно плеснула на него, и это действие было скорее унижительным, чем причиняющим вред. На фоне её якобы небесной ненависти это выглядело до смешного нелепо.

Чего же она на самом деле хотела: унижить Цзи Саньмэя или потушить тот скрытый в её глубине страх, что пылал, словно адское пламя?

Не дав ей силой вырвать свою руку, Цзи Саньмэй сам отпустил её, взял кувшин, налил вина и с улыбкой предложил:

— Госпожа, может, ещё одну чашечку, чтобы успокоиться?

Ли Хуань дрожала всем телом:

— Не надо! Мне не нужно успокаиваться!

Цзи Саньмэй не стал настаивать и выпил ароматное крепкое вино сам:

— Не нужно? Что ж, тогда вы счастливая женщина. Но, выслушав ваш рассказ, у меня остался один вопрос, и я прошу вас прояснить его. Вы говорили, что Цзи Саньмэй в то время был слаб,

лежал в постели и не мог ходить, за ним требовался уход. Вы же тайно влюбились в Вэй Тина и, вероятно, находились рядом с Цзи Саньмэем постоянно. ...Когда раскрылось дело о человеческом жертвоприношении, свидетельства Вэй Тина, как близкого друга Цзи Саньмэя, не были приняты во внимание, а ваша сестра, ставшая жертвой, была без сознания. Таким образом, именно вы должны были быть самым весомым свидетелем того, что же совершил Цзи Саньмэй...

Цзи Саньмэй прямо уставился на Ли Хуань:

— Осмелюсь спросить, госпожа, какие показания вы дали тогда перед всеми?

Лицо Ли Хуань стало белым как бумага.

Она больше не могла этого выносить, шатаясь, поднялась на ноги:

— Кто ты такой?

Цзи Саньмэй пробормотал про себя:

— С самого начала вы не питали к Цзи Саньмэю симпатии, подозревали, что он демон, поэтому, когда пропала маленькая Лун Ин, вы первым делом заподозрили его.

— Обнаружив, что сестра лишилась души, вы возненавидели Цзи Саньмэя ещё сильнее — это он превратил вашу сестру в безумную влюблённую, это он увёл её душу. Вы хотели изгнать его. ...Возможно, вы даже надеялись уговорить Вэй Тина остаться рядом с вами. Поэтому вы сказали всем, что душу вашей сестры увёл демон Цзи Саньмэй. Возможно, вы даже заявили, что видели, как Цзи Саньмэй увёл ребёнка по имени Лун Ин в какое-то место, после чего та бесследно исчезла. ...

Эти сведения о прошлых секретах Цзи Саньмэй вытянул из Лун Юнь с помощью чаши лотосовых семян.

Ли Хуань яростно замотала головой:

— Я не...

<http://bllate.org/book/16281/1466220>